

Лит. 292869-1991-10/11-91-с.12

ГОСТИНАЯ «ЛГ»

Новую рубрику

ведет

Григорий ЦИТРИНЯК

Игоря Моисеева — основателя и бессменного (все 54 года!) художественного руководителя Академического ансамбля народного танца СССР — представлять не надо. Но можно напомнить, что писатель Сергей Сергеевич Смирнов называл его Шехерезадой — за пропасть историй, которые от него можно услышать. Кажется, он видел все и был знаком со всеми. «А приходилось ли вам встречаться со Сталиным?» — спросил я его однажды. «Приходилось», — был ответ. — Когда-нибудь расскажи...

«Когда-нибудь» настало нынче летом...

1. «Разгром» ты не поставишь...

— Но только, — сразу же сказал Игорь Александрович, — здесь необходимо предисловие, иначе многое останется непонятным. И прежде всего: как возник Ансамбль народного танца?

К тому времени, когда встал вопрос о создании ансамбля, я уже имел, что называется, имя — как солист балета Большого театра (с 1924 года) и штатный балетмейстер (с 1930-го — в 24 года!), успешно поставивший несколько балетов. Как знаток народного танца. Как режиссер ежегодных торжественных концертов (так они тогда именовались) в День Красной Армии — 23 февраля. В первом отделении выступали профессионалы, а во втором — отобранная мной во всех уголках страны армейская самодеятельность.

В 1936 году создали Театр народного творчества, главным режиссером назначили Н. П. Охлопкова, а главным балетмейстером — меня. И первое, что я сделал, — провел фестиваль народного творчества силами подлинных народных исполнителей. Он имел большой успех. Платон Михайлович Керженцев, председатель Комитета по делам искусств, сказал мне: «Получилась очень хорошая программа. Видно, вы действительно вдохновлены народным танцем. Подумайте, что можно было бы из этого извлечь профессионально». — «А я уже думал...» — «Ну, составьте письмо — я передам его Молотову».

Письмо я составил, написав, что в народной хореографии есть жемчужины, что нельзя допустить, чтобы они исчезли, и т. д. Молотов, председатель Соваркомы СССР, наложил резолюцию: идея хорошая, предложите автору ее реализовать. И Керженцев сказал мне: «Организовывайте ансамбль». Датой его основания я считаю первую репетицию — 10 февраля 1937 года.

Очень важно отметить: за всю историю существования ансамбль не знал «моментов неуспеха» — с первого же выступления в сентябре 37-го, которое прошло «на ура». И вскоре нам предложили выступить в Кремле на очередном приеме. Это был самый ответственный момент в истории ансамбля.

Как известно, Сталин очень любил приемы, они устраивались иногда по очень незначительным поводам, но всегда под его контролем; большое участие в их организации принимал Власик, начальник личной охраны Сталина.

Что был за прием, на который нас пригласили, не помню. Сейчас думаю: «Надо было тебе, дураку, все запомнить и записать!» Но тогда, во-первых, было не до того, во-вторых, все, что связано с Кремлем, окружала такая тайна, такая секретность, что люди боялись задавать даже самые невинные вопросы. И если бы мы не понравились, история ансамбля могла быть совершенно другой:

Наш первый концерт в Кремле Сталину очень понравился, особенно один номер — «Подмосковная лирика»: парень, девушка и гармонист, Валерий Арсеньев, Аня Кобзева и Вячеслав Борисов (гармонь). Как известно, Сталин мог смотреть то, что ему нравится, десятки раз, и не только кинофильмы. Поскольку «Подмосковная лирика» ему понравилась, мы должны были включить ее в программу каждый раз. Более того, если не включали, он спрашивал, почему нет, и требовал исполнить сверх программы. У Сталина вообще был неплохой вкус...

— Ну да, ему же нравился ваш ансамбль...

— Не только: можно судить по тем, кого он приглашал. — Козловский, Рейзен... Макасова... Лемешев чуть позже возник...

— Михайлов?

— Михайлова вожди обожали... Образцов с куклами, Краснознаменный ансамбль Александрова и наш

ком месте я сидел. Первое, ближе к сцене, место всегда занимал охранник — за любым столом, — и попробуй кто-нибудь сделать хоть шаг в сторону президиума... А рядом с охранником всегда сидел я — такое место мне определили. Сталина я встречал много раз, и для меня это не было событием. Каждый раз он здоровался, и я его не боялся — может быть, потому, что знал, что он любит наш ансамбль; конечно, тогда я не понимал — по своему легкомыслию, что ли? — насколько он страшен для других.

— Что значит: «каждый раз он здоровался»?

— Я же сказал, что мое место было близко к столу президиума. Приходишь за несколько минут до начала концерта, и, когда часы на Спасской башне пробьют семь, вожди входят под овацию зала: «Здравствуйте». — «Здравствуйте». Но вернемся к дню рождения Молотова.

Итак, мы исполнили новый танец, он понравился. Концерт закончился, я пришел в зал, где оставалось уже мало народа, и сел ужинать. И вдруг вижу: ко мне с очень суровым лицом идет Храпченко. Он почти закричал: «Как вы посмели без меня включить этот номер?! Хорошо, что прошел, а если бы не прошел?!» — «Но, Михаил Борисович, номер прошел, давайте радоваться...» — «Я возмущен вашим поведением! Это совершенно недопустимо!»

Храпченко подошел, я вышел к нему, обогнув стол, он продолжал меня отчитывать: «Вы только представьте, что бы случилось, если бы это не понравилось! Ведь не вы бы отвечали, а я!»

Заметьте: я стоял лицом к залу, Храпченко — спиной. Вот почему я вижу то, что не может видеть Михаил Борисович: к нам медленно, как всегда вперевалку, подходит Сталин. Я вижу его и начинаю улыбаться, а Храпченко уже кричит в голос: «Что вы улыбаетесь?! Что вы улыбаетесь?! Я серьезно говорю!»

Я не успел ответить, как на плечо Храпченко легла рука Сталина.

ТАНЦЫ
ДЛЯ
ВОЖДЕЙ

Игорь Моисеев вспоминает...

— Что вы все о делах, о делах, — сказал он. — Сегодня надо гулять.

Когда Храпченко услышал знакомый голос, он позеленел. Все на его лице стало двигаться отдельно: губы отдельно, щеки отдельно, глаза отдельно; руки затряслись. Вы знаете, то была сцена сумасшествия. Я испугался. Он хотел ответить, но, кроме «б-б-б...», ничего не смог произнести. Видимо, Сталин понял, что с ним происходит, и сказал:

— Потанцевали бы.

— Иосиф Виссарионович, дамы нет! — плачущим голосом откликнулся Храпченко.

— Да вот тебе дама, — сказал Сталин и показал на меня.

И тогда случилось вот что: Храпченко схватил меня и начал со мной скакать по залу.

— А что за музыка была?

— Никакой музыки!

— Как — вообще не было музыки?

— Просто! Всухую! И тогда я начал хохотать — не мог удержаться. Сцена, конечно, была отвратительна, просто патологична. Сталин поглядел, потом безразлично махнул рукой и пошел. И когда Храпченко увидел, что Сталина нет, и понял, чему я оказался свидетелем, он оттолкнул меня и убежал. Вот так.

— Это был ваш первый, выражаясь современным языком, контакт со Сталиным?

— Нет, первый был двумя годами раньше, в 38-м. Тогда несчастье нашего, уже признанного ансамбля за-

ра имени Пятницкого, оркестра народных инструментов имени Осипова, хора Свешникова и нашего ансамбля. Но вы знаете наши темпы: отделку станции метро заканчивали, а все здание оставалось в лесах, и ремонту конца-края не было видно. Поэтому я сказал: «Александр Сергеевич, предлагаю вот что: скоро должна открыться станция метро на площади Маяковского в доме, где для нас предназначены репетиционные залы. Хорошо ли будет, если станция откроется, а весь дом останется в лесах?» «Хорошая мысль», — сказал Щербаков.

Он снял трубку и позвонил Абакумову, начальнику Метростроя, одному из энкаведистов: «Как твои дела?» Тот отвечает (мне слышно), что хорошо, через месяц-полтора открываем станцию метро на площади Маяковского. «А считаешь ли ты приличным, чтобы станция открылась в здании, которое все в лесах? Возьми себе лишний месяц срока, но дострой здание, чтоб все было готово». Абакумов начал барахтаться и спорить, но Щербаков резко сказал: «Не спорь — это указание!» — и положил трубку. Его собеседник, видимо, хорошо знал, что на партийном жаргоне означает слово «указание».

И через пару месяцев, когда все достроили, неожиданно приехал Щербаков — проверять. Меня искали по всей Москве, не догадываясь только заглянуть в баню — я был там. Мне рассказывали очевидцы, что Щербаков рассматривал все помещения под одним углом зрения: удобно ли будет здесь репетировать нашему ансамблю? Даже сказал: «Почему окна не зарешечены? Окна до полу, они танцуют — кто-нибудь может вылететь». То был не наш зал, а хора имени Пятницкого, но все же у окон мигом поставили барьерчики. Уезжая, Щербаков спросил: «А Моисеев доволен?» Ему сказали: «Да». — «Тогда здание принимаю». Так мы получили помещение, в котором репетируем по сей день.

Поздней осенью 1939 года на одном из приемов Сталин опять подошел к нашему столу — он выходил в боковую дверь в следующий зал, Андреевский, увидел меня, остановился; с ним был Ворошилов, он спросил:

— Что новенького ничего не даешь?

Я говорю:

— Что скажут, то и сделаем.

Тогда Сталин сказал:

— Все равно то, что нам нужно, ты не поставишь.

— А что нужно, Иосиф Виссарионович?

— Ну, разгром Англии и Франции ты же не поставишь? — и он улыбнулся.

— Игорь Александрович, вы точно помните, когда был этот разговор?

— Точно: осень 1939 года, Германия вместе с нами «разделила» Польшу, Англия и Франция за нее заступились, и, видимо, Сталин мечтал о том, чтобы Гитлер разгромил Англию и Францию. Но это моя догадка, не больше. Я даже боюсь это говорить...

— На седьмом году перестройки?

— Не в том смысле — боюсь, скажут: Моисеев выдумывает.

— Игорь Александрович, то, что вы говорите, очень важно. Поэтому я переспрошу: вы точно помните сталинскую фразу, сказанную осенью 1939 года?

— Абсолютно! Он ведь ко мне обратился: «Ну, разгром Англии и Франции ты же не поставишь?» Как я могу не помнить такое!

— Спасибо. Известно, что Сталин в публичных выступлениях нередко говорил о себе в третьем лице. Но вот вы мне как-то рассказывали: на вас произвело странное впечатление, что и на приемах он...

— ...говорил о себе в третьем лице, да. Однажды Сталин с кем-то беседовал и сказал: «Нет, Сталин этого не делает». Громко сказал. И в третьем лице о себе он говорил довольно часто — я не раз слышал.

— А других контактов с вондем сразу всех народов не было?

— Чтобы я сам прямо к нему обращался? Нет. Но ведь все все знали, и вопросы решались без обращений, на нижних «этажах». Подходил всеильный Власик: «Ты чего молчишь? Ты скажи, что тебе нужно!» Я говорил: «Когда будет нужно, скажу».

— Есть один деликатный вопрос, если он вам неприятен, не отвечайте... Не просили ли у вас в Кремле «девоchen из ансамбля»?

— Почему? Я отвечаю: да. Не про-

имел, что называется, имя, как солист балета Большого театра (с 1924 года) и штатный балетмейстер (с 1930-го — в 24 года!), успешно поставивший несколько балетов. Как знаток народного танца. Как режиссер ежегодных торжественных концертов (так они тогда именовались) в День Красной Армии — 23 февраля. В первом отделении выступали профессионалы, а во втором — отобранные мной во всех уголках страны армейская самодеятельность.

В 1936 году создали Театр народного творчества, главным режиссером назначили Н. П. Охлопкова, а главным балетмейстером — меня. И первое, что я сделал, — провел фестиваль народного творчества силами подлинных народных исполнителей. Он имел большой успех. Платон Михайлович Керженцев, председатель Комитета по делам искусств, сказал мне: «Получилась очень хорошая программа. Видно, вы действительно вдохновлены народным танцем. Подумайте, что можно было бы из этого извлечь профессионально». — «А я уже думал...» — «Ну, составьте письмо — я передам его Молотову».

Письмо я составил, написав, что в народной хореографии есть жемчужины, что нельзя допускать, чтобы они исчезли, и т. д. Молотов, председатель Совнаркома СССР, наложил резолюцию: идея хорошая, предложите автору ее реализовать. И Керженцев сказал мне: «Организовывайте ансамбль». Датой его основания я считаю первую репетицию — 10 февраля 1937 года.

Очень важно отметить: за всю историю существования ансамбль не знал «моментов неуспеха» — с первого же выступления в сентябре 37-го, которое прошло «на ура». И вскоре нам предложили выступить в Кремле на очередном приеме. Это был самый ответственный момент в истории ансамбля.

Как известно, Сталин очень любил приемы, они устраивались иногда по очень незначительным поводам, но всегда под его контролем; большое участие в их организации принимал Власик, начальник личной охраны Сталина.

Что был за прием, на который нас пригласили, не помню. Сейчас думаешь: «Надо было тебе, дураку, все запомнить и записать!» Но тогда, во-первых, было не до того, во-вторых, все, что связано с Кремлем, окружала такая тайна, такая секретность, что люди боялись задавать даже самые невинные вопросы. И если бы мы не понравились, история ансамбля могла быть совершенно другой: может, нас и не разогнали бы, но я бы просто не вышел из Кремля. Тут надо сделать отступление.

Дело в том, что в один прекрасный день еще 1930 года меня вызвали в военкомат: «Где ваш военный билет?» Я показал, и дежурный, нагло глядя на меня, разорвал его и бросил в корзину. Я спросил: «Что — менять будете?» — «Неужели не поняли? Вы сын дворянина, лишенец!»

Я понял: дело пахнет скипидаром. Во-первых, половину зарплаты будут вычитать за то, что меня, лишенца, охраняют другие, а во время войны и защищают, поскольку мне, лишенцу, оружие доверять нельзя. А во-вторых, все могло быть гораздо хуже для сына дворянина в эпоху диктатуры пролетариата.

Но что меня спасло? Шахматы — я был первой доской Большого театра, а военным столом у нас заведовал милый парень по фамилии Бернгоф, обожавший шахматы; ему-то я по дружбе все рассказал. Он испугался: «Это очень серьезно!» — «А что серьезного? Я буду хлопотать...» — «С ума сошел! Молчи в тряпочку и не высовывайся!.. Вот что — напиши мне заявление, что потерял военный билет». Я написал, и на следующий день он принес новый билет. Я спросил: «А ты не боишься, что узнают?» — «Да что ты — они недавно переезжали и потеряли 120 билетов. Там такой бардак!»

Видите? Тогда уже был бардак...

И с тех пор никто никогда о старом билете не вспоминал, а в театре, где все знали, всячески старались это дело забыть. При случае секретари парткома говорили: «Молодой парень — чем он-то виноват?..» Меня тогда же заметил Авель Сафронич Енукидзе, секретарь Президиума ЦИК СССР, он сказал: «Этого парня не трогайте — он способный!» Если бы все так не повернулось, я как лишенец тогда уже вылетел бы из театра, а дальше — сами понимаете...

тем, кого он приглашал... Позловский, Рейзен... Максаква... Лемешев чуть позже возник...

— Михайлова вожди обожали... Образцов с куклами, Краснознаменный ансамбль Александрова и наш

ТАНЦЫ ДЛЯ ВОЖДЕЙ

Игорь Моисеев вспоминает...

ансамбль, который с этого дня уже ни одного приема в Кремле не пропустил. Дело доходило до того, что, когда мы были в отпусках, а назначили прием в Кремле, артистов на самолетах привозили на один концерт в Москву и потом развозили обратно по курортам.

Наступил 38-й год. Керженцева посадили как «врага народа» и председателем через некоторое время неожиданно назначили Михаила Борисовича Храпченко. Это был интересный человек — умный, образованный литературовед, исследователь творчества Гоголя и Льва Толстого. Не уверен, что он рвался к такому горячему месту, но, думаю, все объяснялось просто: нужен был интеллигентный человек, а выбор из интеллигенции был очень невелик.

— Уме тогда?
— Да. Можно сказать, все уже сидели... Храпченко был предельно осторожен, даже просто труслив. Но мы не имеем права его в этом обвинять: он знал, что случилось с его предшественником, и понимал, во что могла обойтись ему ошибка.

Из меня тогда просто перло, как из фонтана: я все время выдумывал что-то новое. Но как раз новых номеров Михаил Борисович страшно боялся: «Нет-нет, еще не понравится!» Вот почему в Кремле мы показывали одни и те же танцы... Потерпите, мы постепенно подбираемся к тому, что вас интересует...

Короче говоря, мне это стало надоест, я протестовал и сначала обращался к Храпченко: «Нас обвинят, что мы стоим на месте: так часто идут приемы, а номера одни и те же».

— «Нет-нет, нельзя рисковать — вы не представляете себе, чем это чревато». И тогда случилось вот что. Однажды Власик спросил меня: «Что сегодня покажешь?» — «К сожалению, всегда одно и то же». — «А почему?» — «А потому, что начальство не разрешает — вдруг новые номера не понравятся». — «А у тебя есть новые?» — «Есть». — «Так ты мне скажи — и все!» И Власик, не сказав Храпченко, включил в программу новый танец, мы его показали, он понравился. И случилось это на интимном приеме — были и такие — в день рождения Молотова, в его 50-летие, 9 марта 1940 года.

Концерт состоялся в Георгиевском зале; когда он весь заполнен, там усаживается до двух тысяч человек, а тут, на интимном вечере, было 100—150: все наркомы, все Политбюро и другие. При Сталине к артистам относились уважительно, после концерта кормили — меню то же самое, что у вождей, абсолютно, но отдельно, в соседнем зале. Меня всегда приглашали в главный, так получилось и на этот раз.

Действительно, для огромного зала получилось интимно: всего столов 8, не больше, за каждым по 15—20 человек. Стол президиума, где в центре сидел Сталин, располагался параллельно сцене, перпендикулярно к нему — другие столы. За столом президиума сидели лицом к залу, когда выступали артисты, вожди поворачивали стулья и смотрели на сцену. Между номерами были «про-слойки» — произносили тосты, выпивали, закусывали.

Если из зала взглянуть на ряды столов, то надо обратить внимание на стол справа — крайний, у стены, у выхода в соседний зал, эта деталь очень важна. И важно знать, на ка-

кую я вижу его и начинаю улыбаться, а Храпченко уже кричит в голос: «Что вы улыбаетесь?! Что вы улыбаетесь?! Я серьезно говорю!»

Я не успел ответить, как на плечо Храпченко легла рука Сталина.

— Что вы все о делах, о делах, — сказал он. — Сегодня надо гулять.

Когда Храпченко услышал знакомый голос, он позеленел. Все на его лице стало двигаться отдельно: губы отдельно, щеки отдельно, глаза отдельно; руки затряслись. Вы знаете, что была сцена сумасшествия. Я испугался. Он хотел ответить, но, кроме «б-б-б...», ничего не смог произнести. Видимо, Сталин понял, что с ним происходит, и сказал:

— Потанцевали бы.
— Иосиф Виссарионович, дамы нет! — плачущим голосом откликнулся Храпченко.

— Да вот тебе дама, — сказал Сталин и показал на меня.

И тогда случилось вот что: Храпченко схватил меня и начал со мной скакать по залу.

— А что за музыка была?
— Никакой музыки!

— Как — вообще не было музыки?
— Просто! Всухую! И тогда я начал хохотать — не мог удержаться.

Сцена, конечно, была отвратительна, просто патологична. Сталин поглядел, потом безразлично махнул рукой и пошел. И когда Храпченко увидел, что Сталина нет, и понял, чему я оказался свидетелем, он оттолкнул меня и убежал. Вот так.

— Это был ваш первый, выражаясь современным языком, контакт со Сталиным?

— Нет, первый был двумя годами раньше, в 38-м. Тогда несчастье нашего, уже признанного ансамбля заключалось в отсутствии своего помещения для работы. Мы арендовали залы, откуда нас периодически изгоняли, и было отчего: если полы оклеивались паркетными — паркет вылетал; если крашенные — исчезала краска; в клубе железнодорожников, к нашему несчастью, зал оказался над кухней и, когда мы расплясались, кусок штукатурки с потолка свалился в борщ...

И вот однажды на очередном интимном концерте сидел я на своем обычном месте в зале. Сталин встал из-за стола президиума, пошел было мимо, но увидел меня, узнал и спросил:

— Как дела?
— Неважно, Иосиф Виссарионович...

— А почему неважно?
— Нам негде работать. Вот «Подмосковную лирику», которую вы знаете, я ставил на лестничной площадке...

Сталин нахмурился и сделал так: не оборачиваясь, поднял руку и помахал кому-то. Как из-под земли вырос А. С. Щербаков, первый секретарь МК и МГК партии: «Товарищ Сталин...» Сталин медленно проговорил:

— У него нет помещения. Завтра доложишь, — и пошел.

На следующее утро раздался звонок Щербакова: «Я посылаю за вами машину». Приезжаю. В кабинете на стене висит огромная карта Москвы. «Покажите, где хотите работать». — «Александр Сергеевич, аренда нас не спасет — это мы уже на своей шкуре испытали: отовсюду выгоняют. Сейчас вы нам назначите какой-то клуб, вас не посмеют ослушаться, а через месяц нас выставят, потому что мы будем мешать». «Что же делать?» — спросил Щербаков.

А надо сказать, что тогда на площади Маяковского шло к концу строительство станции метро, она располагалась в здании, как раз предназначенном для государственных музыкальных коллективов — хо-

все же у меня много поставили барьерчики. Уезжая, Щербаков спросил: «А Моисеев доволен?» Ему сказали: «Да». — «Тогда здание принимаю». Так мы получили помещение, в котором репетируем по сей день.

Поздней осенью 1939 года на одном из приемов Сталин опять подошел к нашему столу — он выходил в боковую дверь в следующий зал, Андреевский, увидел меня, остановился; с ним был Ворошилов, он спросил:

— Что новенького ничего не даешь?

Я говорю:

— Что скажут, то и сделаем.

Тогда Сталин сказал:

— Все равно то, что нам нужно, ты не поставишь.

— А что нужно, Иосиф Виссарионович?

— Ну, разгром Англии и Франции ты же не поставишь? — и он улыбнулся.

— Игорь Александрович, вы точно помните, когда был этот разговор?

— Точно: осень 1939 года, Германия вместе с нами «разделила» Польшу, Англия и Франция за нее заступились, и, видимо, Сталин мечтал о том, чтобы Гитлер разгромил Англию и Францию. Но это моя догадка, не больше. Я даже боюсь это говорить...

— На седьмом году перестройки?

— Не в том смысле — боюсь, скажут, Моисеев выдумывает.

— Игорь Александрович, то, что вы говорите, очень важно. Поэтому я переспрошу: вы точно помните сталинскую фразу, сказанную осенью 1939 года?

— Абсолютно! Он ведь ко мне обратился: «Ну, разгром Англии и Франции ты же не поставишь?» Как я могу не помнить такое!

— Спасибо. Известно, что Сталин в публичных выступлениях нередко говорил о себе в третьем лице. Но вот вы мне как-то рассказывали: на вас произвело странное впечатление, что и на приемах он...

— ...говорил о себе в третьем лице, да. Однажды Сталин с кем-то беседовал и сказал: «Нет, Сталин этого не сделает». Громко сказал. И в третьем лице о себе он говорил довольно часто — я не раз слышал.

— А других контактов с вождем сразу всех народов не было?

— Чтобы я сам прямо к нему обращался? Нет. Но ведь все все знали, и вопросы решались без обращений, на нижних «этажах». Подходил всеильный Власик: «Ты чего молчишь? Ты скажи, что тебе нужно!» Я говорил: «Когда будет нужно, скажу».

— Есть один деликатный вопрос, и если он вам неприятен, не отвечайте... Не просили ли у вас в Кремле «девоchen из ансамбля»?

— Почему? Я отвечаю: да. Не просили — требовали. У меня было щекотливое положение: Поскребышев, личный секретарь Сталина, и некоторые, за его спиной стоявшие, все время хотели наших девушек приглашать на свои приемы: «Приходи, посидим. И возьми с собой несколько девушек», чего я категорически избегал. Я инстинктивно опасался всей этой своры — какое-то шестое чувство подсказывало, что к ним лучше не приближаться. Именно потому меня не очень-то любил Поскребышев, что каждый раз, как он говорил: «Ты не уходи, стой! Возьми с собой пару девчонок, пойдем выпьем!» — я исчезал. Он для меня не начальство, просьба была, естественно, не официальной. Потом я говорил: «Извините, меня Храпченко позвал». Или выдумывал еще какую-то причину. Вот почему нередко, когда он меня видел, то уже издали грозил кулаком — полусуто, полусердито. Он, видимо, был достаточно порядочным человеком, чтобы не делать мне гадости; к тому же знал, как Сталин к нам относится.

— Вот это было главным. Но ведь беспартийный — и во главе такого знаменитого ансамбля. Неужели в партию вступить не приглашали?

— 18 раз вызывали в райком и горком, чтобы я вступил в партию. В МГК один из секретарей стучал по столу кулаком: «Какое вы имеете право руководить таким ансамблем, вы — беспартийный?»

— Что же вы придумали в свое оправдание?

— Что я верую в Бога. Я действительно верующий, это действительно так. «Потом вы будете мне выговоры объявлять за то, что я верующий?» — «Вы не имеете права оставаться вне партии!» — «Ну, снижайте меня...» Эта удобная формула меня спасла: снять не сняли, потом оставили в покое.

Но я как-нибудь вам расскажу, как делал доклад для Берии — это интереснее...

(Окончание следует)